

звымы Радищева о поэте, в котором он мог видеть своего ученика.

В 1801 г. Радищев вернулся в Петербург. Около 1800 г. туда же возвратился и Бобров. Можно думать, что старые знакомые встретились, и не исключено, что взаимное общение сказалось на их произведениях, написанных в этот период.

Одним из самых замечательных стихотворений Радищева является «Осмнадцатое столетие», созданное, видимо, между 1799 и летом 1801 г. В нем подводятся итоги свершившегося в минувший век и намечается оценка грядущих событий. Ведущий его мотив — бесконечный поток времени, в котором исчезают люди, государства, века. Это представление характерно для преромантического, антипросветительского мышления. Для просветительской философии время было цикличным, а история могла двигаться по замкнутому кругу, возвращаясь, например, к античности как к некоему исходному идеальному началу. Категория времени, как форма движения истории, для просветительской мысли с ее антиисторизмом не являлась принципиальной в модели мироздания. У Радищева тема времени возникает только в разбираемом стихотворении, отражающем кризис просветительского мироощущения.

Уже в начале стихотворения автор изображает крушение корабля, «несущего надежды»: «Счастье, и добродетель, и вольность пожрал омут ярый». Вряд ли здесь, как считает Г. П. Макогоненко, идет речь о политических событиях 1799 г. (политическая коалиция против Франции, походы Суворова).¹⁶ Эта строка скорее всего характеризует общий итог, результат XVIII столетия, самым значительным событием которого была Великая французская революция. Ее внутреннюю противоречивость: свобода и якобинская диктатура, мечты о счастье людей и террор, свержение монархии и консульство Наполеона — ощущали многие мыслящие люди эпохи, и многих французская революция поразила и оттолкнула жестоким якобинским террором.¹⁷ Ужасов террора, наполеоновской диктатуры не принял и Радищев.¹⁸ Для него XVIII век — кровавое столетие. Шесть раз упоминается слово *кровь*: кровавая струя, кровь в колыбели, омоченно в крови, струи кровавые, кровь на жертвеннике и утро столетия нова тоже кроваво. Кроме того, как мы видели, сокрушены основные ценности человеческого бытия: счастье, и добродетель, и вольность.

Справедливо называя просветительский XVIII в. столетием «мысли», автор в то же время подчеркивает и слабость просветительской идеологии: «... бешенство, ярость железной ногою <...>

¹⁶ Макогоненко Г. П. Радищев и его время. М., 1956, с. 591. В дальнейшем: Макогоненко Г. П.

¹⁷ См.: Кочеткова Н. Д. А. Радищев. «Осмнадцатое столетие». — В кн.: Поэтический строй русской лирики. Л., 1973, с. 29.

¹⁸ См.: Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Запретная мысль обретает свободу. М., 1966, с. 259—260.